

Ника Новикова



Не в формате

Дневник Вероники

18+

Ника Новикова

Не в формате.

Дневник Вероники

<https://litres.ru/74569968>

SelfPub; 2026

Аннотация

Веронике тридцать пять, и у неё всё не так. Четыре высших, долги, пыльные дипломы, работа проводницей. Она пишет сценарии, которые никто не покупает. «Ты не в формате», — говорит редактор. Вероника соглашается и пишет дальше.

А потом лайкает на сайте знакомств фото: полковник, награды, коньяк, стальной взгляд. В жизни он не такой. Старше. Полнее. В олимпийке. Ест чебурек руками, пьёт пиво из горлышка, курит и почти не разговаривает. У него джип, ножи и дочь, которая сбежала с турнира по шахматам с мальчиком и чёрным чехлом для гитары.

Он едет её искать. Она едет с ним. Через Россию. Через мотели, где пахнет пылью. По дороге — стрекозы. Они садятся ей на плечи. Он их не видит. Говорит «комары» и смотрит на воду.

Он не умеет говорить. Она не умеет уходить. Пара. Жаль, что оба — не в формате.

Она ехала за военным. А нашла мужика в олимпийке.

Терпимо. Так он сказал. Когда она спросила про любовь.

Содержание

Глава 1. СОН	4
Глава 2. ВОКЗАЛ	12
Глава 3. ПИТЕР	22
Глава 4. ДЖИП	29

Ника Новикова

Не в формате.

Дневник Вероники

Глава 1. СОН

Мне снилась свадьба. Не моя. То есть моя, но не та, которая будет. Та, которая могла бы быть, если бы я была другой. Или если бы он был другим. Или если бы мы оба были другими. Во сне всегда всё слишком красиво. Поэтому я и люблю спать.

Платье было длинное. Как вся моя жизнь. Белое. Как первый снег, который ещё не знает, что растает. По подолу — стрекозы. Серебристые. Ловят свет. Не отражённый — свой. Тот, который бывает у волшебных вещей в сказках. Одна стрекоза садится на платье. На подол. И — не улетает. Сидит. Смотрит. Как будто знает что-то

У алтаря стоял Военный. Форма из разных эпох. Шашка. Медали. Лица не видно. И это правильно — лицо здесь не имело значения. Имело значение только то, что он ждал. Что он протягивал руку. Что он поднимал фату. Что он говорил: — Ты опять опоздала. Ровно на четыре с половиной минуты.

А мог бы сказать:

— Как долго я тебя ждал.

Но не сказал. Потому что это был сон. А во сне всё всегда не то.

И где-то в самом дальнем углу сердца уже начинало ныть. Тихо. Осторожно. Как ноет зуб, который ещё не болит, но уже предупреждает: я здесь, я есть, я никуда не денусь.

Стрекозы летали вокруг нас с Военным. А на красивой бархатной подушечке лежали два обручальных кольца.

Я проснулась. Не сразу. Ещё секунду. Две. Я была там. В платье. Со стрекозами. С ним. Потом открыла глаза. Будильник орал так, будто ему за это платили.

Утро. Москва за окном спешит. Как спешит только большой город, давно забывший, что можно не спешить. Я лежу. Смотрю в потолок. Потолок у меня, кстати, нормальный. Ровный. Без трещин. Я его знаю наизусть. Как всё в этой квартире. Как всё в этой жизни.

Квартира у меня маленькая. Не бедная. Просто запущенная. Как будто здесь давно перестали ждать гостей. Как будто кто-то однажды решил: хватит, больше никто не придёт, можно не прибираться. И с тех пор не прибирается.

На стене — четыре диплома. В рамках. Пыльные. Я на них не смотрю. Уже года три. Четыре диплома — четыре доказательства, что я умная. И ни одного — что я счастливая. Я не жалею. Я констатирую. Есть люди, которые умеют жить. Есть люди, которые умеют думать. Это разные люди. Мне не

повезло. Я умею думать.

Рядом с дипломами — рисунки стрекоз. Много. Разных. Одни тонкие, почти прозрачные, нарисованные будто дыханием. Другие жирные, тёмные, с нажимом, так что бумага шла волнами. Как будто их рисовал ребёнок. Или сумасшедший. Или я. Никто не знает, откуда они. Я — тоже. Я их не рисовала. Но они есть. Я к ним привыкла. Как привыкают к родинке на плече — вроде не просила, а живёшь с ней тридцать пять лет.

Пью кофе. Раскладываю таро. Кружусь в «женских практиках», которые обещают гармонию, принятие себя и встречу с внутренней богиней. Спотыкаюсь о ковёр. Чуть не падаю. Смеюсь. Одна. В пустой квартире. Смех звучит странно. Как будто кто-то другой засмеялся в другой квартире, а я просто услышала.

Это, кстати, отдельный вид спорта — быть счастливой в одиночестве. Я в нём не чемпион, но в финал иногда выхожу. Вот вчера, например. Достала из шкафа платье, которое не носила четыре года, надела, покрутилась перед зеркалом, сказала себе «хороша», сняла, повесила обратно. Весь вечер был такой. Продуктивный.

Ноутбук. Скайп. Люда.

Люда уставшая. В офисе. Причёсанная. Аккуратная. Жуёт бутерброд. Крошки падают на клавиатуру. Смахивает рукой. Не глядя. Привычно. За её спиной — жизнь. Люди. Кофе. Разговоры. Чей-то смех. Чьё-то «привет, ты уже видела

отчёт?». Чьё-то «я ухожу, не жди меня». Люда в мире. Я — нет. Люда — это я, которая не пошла в писатели, а пошла в редакторы, потому что редакторам платят. Она мне иногда звонит и говорит «я так устала». И я знаю, что это значит. Это значит: «я продала свою мечту за зарплату и теперь продаю чужие». А я продаю ещё хуже. Я не продаю вообще.

— Люда, привет.

— Привет. Что у тебя?

— Ты ешь?

— Я не ела с утра. — Люда вытирает рот бумажной салфеткой, тонкой, из тех, что в офисах лежат стопками возле кулера и не впитывают ничего. — Не прошло.

— Почему?

— Мне сказали «нет». Я говорю тебе «нет».

Я снимаю очки. Кладу на стол. Теперь Люда размытая. Так легче. Так безопаснее. Размытое почти не существует.

— А ты сама читала?

— Читала.

— И?

— И я не знаю, что это.

Я смотрю мимо экрана. В окно. Москва спешит. Убегает. Живёт. Ей нет до меня дела. И мне до неё. По крайней мере, это честно.

— Это про человека, который не может жить как все.

— И поэтому пьёт таблетки и разговаривает с рыбами?

— С рыбами?

— У тебя мужик с рыбами разговаривает. На четвёртой странице.

— Он не разговаривает. Он слушает.

— А рыбы?

— А рыбы молчат.

— Вот и я молчу.

Я смотрю на очки. Не надеваю. Мои очки — это отдельная философия. В очках я вижу мир чётко, и от этого он мне не нравится. Без очков всё мягкое, размытое, прощающее. Я почти всегда без очков. Не потому что мне так удобно. А потому что мне так спокойнее.

— Я не могу это нести, — говорит Люда.

Я киваю. Я действительно знаю. Я знаю это года три. С того разговора в кафе на Покровке, когда она впервые сказала «я устала» и потом весь вечер извинялась.

— Почему ты без очков?

— Я в линзах.

— Ты не в линзах. Ты их не вставила.

Я смотрю в стол. В чашку. В таро. Куда угодно.

— Надень очки.

— Не хочу.

— Почему?

— Потому что ты сейчас скажешь что-то, что мне не понравится.

— Я уже сказала.

— Вот именно.

Люда выдыхает. Откидывается в кресле. Трёт глаза. Она устала. Не от меня. От всего. От жизни, которая оказалась не такой, как в двадцать лет, когда всё казалось возможным, и не такой, как в тридцать, когда всё казалось исправимым, а такой, как сейчас, когда уже ничего не кажется, а просто есть.

— Вероника. Мне деньги нужны.

— В смысле?

— В прямом. Я не могу тебя издавать. Ты не приносишь.

— Я знаю.

— Я не могу тебе платить. Не могу продвигать. Не могу защищать. Я устала.

— Люда...

— Я не могу. Пойми.

Я надеваю очки. Смотрю на неё. Прямо. В глаза. Она не отводит. Смотрит в ответ. И в этом взгляде — всё. Двенадцать лет. Усталость. Любовь. И приговор.

— Я понимаю.

— Нет. Не понимаешь.

Я снимаю очки. Она становится размытой. Так легче.

— Знаешь, что самое паршивое? — говорит Люда тише. Голос у неё уже не редакторский, а человеческий. — Ты не бездарь. Ты просто не в формате. А это хуже. С бездарью всё ясно. А с тобой — нет.

Я замираю. В квартире тишина. Только Москва за окном. Только спешка. Только я.

«Не в формате». Не в формате — это такой специальный диагноз. Это когда у тебя всё есть — мозги, образование, желание, какая-то даже, прости господи, харизма, — но ты как будто собрана по неправильной схеме. Как шкаф, который снаружи выглядит нормально, а внутри полки прибиты под углом, и ничего туда не помещается. И ты стоишь такой шкаф в коридоре и никто не может понять, почему ты никуда не вписываешься. А ты просто под углом.

— Позвони, когда передумаешь.

— Я не передумаю.

— Я знаю.

Гудки.

Я смотрю на чёрный экран. Надеваю очки. Смотрю на своё отражение. Не нравится. Снимаю. Кладу. Смотрю на дипломы. Пыльные. Четыре. На стрекоз. Много. Разных.

Беру телефон. Сообщение от Юры. «Я хочу тебя. Хочу тебя всю». И всё это пылает эмодзи с поцелуями. Я смотрю на экран. Долго. Не отвечаю. Секунду. Две. Три. Потом ставлю телефон экраном вниз. На стол. И снова иду на кухню. За кофе.

Юра у меня — отдельная графа в бюджете. Мы вместе уже два года. Он женат. У него двое детей. У него бизнес. У него, судя по всему, всё есть, кроме жены, которая бы его любила, и меня, которая бы просто была рядом. Мы встречаемся раз в неделю. Иногда раз в две. Иногда раз в месяц. Он пишет мне «хочу тебя» каждый день. Это его способ любить.

Он думает, что если писать это каждый день, то это как-то заменяет присутствие. Как будто сообщение — это рука на плече. Как будто «я скучаю» — это ты рядом. Как будто если много раз написать «хочу тебя», то ты и правда чего-то хочешь, а не просто набираешь текст пальцами.

Я наклоняю голову. Закатываю глаза. Улыбаюсь. Фальшиво. Как улыбаются люди, которые давно перестали верить в то, что пишут, но продолжают писать, потому что молчание страшнее. Что-то строчу в ответ. Сама не знаю что. Смотрю в окно. Москва. Спешка. Огни. Я одна.

Ночью я снова вижу сон. Та же свадьба. Та же арка. Те же стрекозы. Тот же Военный. Только лица не видно. И он молчит. Не говорит ни «ты опоздала», ни «как долго я тебя ждал». Просто стоит. И ждёт.

Я просыпаюсь. Смотрю в потолок. И вижу трещину. Тонкую. Я её раньше не замечала. Она была? Или появилась? Не понять. Но она есть. Как всё остальное. Как всё, что я не хотела видеть. Я чувствую: холод. В пальцах. В ногах. Где-то внутри. Как будто что-то уходит. Или — не пришло. И думаю: а может, это не сон. Может, это то, что будет. Глупо. Я знаю. Но я всё равно думаю. Потому что если не думать — то что? Ничего. Просто жить. Как все. Но я не как все. Я не в формате. И это, как сказала Люда, хуже.

Глава 2. ВОКЗАЛ

Московский вокзал утром — отдельный мир. Со своими законами. Не подчиняется никому. Шум. Гомон. Объявления, которые никто не слушает, потому что все и так знают, куда идут. Люди бегут. Кто с чемоданом. Кто с сумкой. Кто с ребёнком на руках. Кто с шаурмой в шесть утра. У последнего такое лицо, будто это его последний завтрак и он решил провести его так, как считает нужным.

Я стою в форме проводницы. Форма сидит на мне как на вешалке. Не потому что велика. А потому что я в ней как гостья. Не своя. Временная. У меня вообще с «своим» сложные отношения. Я всю жизнь как будто в чужом пальто. Вроде по размеру, вроде ничего, но рукава не мои, и воротник жмёт, и ты всё время чувствуешь, что это не ты, а кто-то похожий. Я так и в профессии. Четыре высших образования — а работаю проводницей. Не потому что не могла. А потому что всё, что могла, — не моё. А своё — не могла.

Я тащу чемодан. Чемодан тяжёлый. Я — нет.

Катя. Напарница. Подруга. Моя честь и совесть.

Катя подхватывает чемодан. Ставит в вагон. Вытирает лоб.

— Ну что, Вероника, когда замуж?

— Я точно скоро выйду замуж.

— За кого? За Юрку?

— Не, Юрка женат. Да ну его. За военного.

— За кого?

— Ну, военного. В форме.

— В форме. Понятно. А почему в форме?

Я задумываюсь. Впервые. По-настоящему. Не тем поверхностным думанием, которым мы думаем о том, что приготовить на ужин, а тем, которое добирается до костей и начинается там копать.

— Я хочу, чтобы он был сильный. Чтобы мог защитить.

— От кого?

— От всего.

Катя смотрит на меня. В этом взгляде — всё, что она думает, но не говорит. Потому что говорить бесполезно. А бесполезное она не любит.

— От себя?

Я не отвечаю. Смотрю в окно. Москва спешит. Убегает. Ей нет до меня дела. И мне до неё.

«От себя» — это хороший вопрос. Мне его никто не задавал. Мне его и самой себе неудобно задать. Я всегда думала, что ищу мужчину, который меня защитит. От чего — не уточняла. От мира? От одиночества? От того, что мне тридцать пять, а я до сих пор не знаю, кем буду, когда вырасту? Или от того, что я уже знаю, кем не стану? Наверное, от себя. Потому что если кто-то будет рядом и будет сильным, то мне не придётся быть сильной. А если мне не придётся быть сильной — то можно наконец расслабиться и, может быть,

поплакать. Я не помню, когда последний раз плакала. Кажется, в прошлом году. Из-за кота, который не мой, но приходил на балкон. Он ушёл. Я поплакала. Потом ещё три месяца покупала ему еду, потому что вдруг вернётся. Не вернулся.

— Где ты с ним познакомилась? В поезде?

— Ещё не познакомилась. Но познакомлюсь.

Катя фыркает. Идёт в вагон. Бросает через плечо:

— Я тоже так думала. Потом вышла за сантехника. Он тоже в форме. Только роба.

Я смотрю ей в спину и улыбаюсь. Впервые за утро не фальшиво. Катя — из тех, рядом с кем не нужно притворяться. Они всё равно видят тебя насквозь. И всё равно остаются. Редкий дар. У меня такого дара нет. Я либо вижу насквозь и ухожу. Либо остаюсь и притворяюсь. Третьего не дано.

Поезд едет. За окном поля. Дома. Люди. Жизнь, которая проходит мимо. Я люблю поезда. Не работу. Работу я не люблю. Но поезда — да. В поезде нельзя ничего решить. Нельзя никуда деться. Ты просто едешь, и время идёт мимо, и это очень успокаивает. В поезде ты как в отпуске от своей жизни. Только, к сожалению, поезд приезжает.

Мы с Катей в купе. Раскладываем стаканы. Бельё. Рутинна. Проводницы — это не романтика. Это работа. Работу романтизировали в кино, потому что снимать поезда красиво. А снимать, как ты складываешь бельё в шестой раз за смену, — нет.

Посадка. Станция. Люди заходят. Сумки. Дети. Бабки.

Всё как всегда.

И вдруг — Военный. Форма. Выправка. Лицо красивое. Молодое. Подтянут. Я замираю. Поправляю волосы. Расстёгиваю верхнюю пуговицу. Застёгиваю обратно. Снова расстёгиваю. В этом жесте — всё. Надежда. Страх. Желание. Ирония. Отчаяние. Всё, что делает человека человеком. И всё, что делает женщину женщиной. Я, наверное, со стороны выгляжу как идиотка. Мне всё равно. Это как чихать — нельзя остановиться.

Катя наблюдает. Молча. С интересом. Как за подопытным кроликом.

Военный идёт по вагону. Мимо. Я провожаю его взглядом. Вдыхаю. И вдруг он возвращается. Заходит в купе. Я подбираюсь. Улыбаюсь. Глаза — как у кота, который нашёл сметану.

— Девчонки, вам конфеты.

Он протягивает конфеты Кате. Не мне. Я замираю. Смотрю на конфеты. Потом на него. Потом снова на конфеты. Улыбка держится. Еле-еле. На последнем издыхании. Катя берёт конфету. Переглядываемся. Я — победно. Мол, сейчас будет.

— Ой, спасибо. А вы...

— Сын у меня родился.

Тишина. Долгая. Очень долгая. Такая долгая, что в ней можно услышать, как где-то далеко едет другой поезд. Как где-то далеко живёт другая жизнь. Как где-то далеко кто-

то другой получает конфеты просто так. Я замираю. Улыбка сползает. Медленно. Как будто её смыло дождём. Катя смотрит в сторону. Изо всех сил сдерживает смех. Плечи трясутся.

— Поздравляю.

— Спасибо.

Он уходит. Я смотрю на конфеты. Беру одну. Держу. Долго. Кладу обратно. Молча. Не ем. Я потом эти конфеты месяц в сумке носила. Не могла выкинуть. И не могла съесть. Так и лежали. Пока не растаяли. Тогда выкинула. Символично, да.

— Ну что, военный? — тихо спрашивает Катя.

— Женат.

— А ты?

Я смотрю в окно. Долго. Поезд стучит. Поля. Дома. Люди. Жизнь.

— Вероника.

— А я — нет.

Катя смотрит на меня. Ничего не говорит. Не жалеет. Просто смотрит. Так смотрят на человека, которого любят, но которому уже не можешь. Мне тридцать пять. Я в форме проводницы. У меня в сумке растаявшие конфеты от чужого мужика. Это, если честно, исчерпывающий портрет моей личной жизни. Есть женщины, которые притягивают мужчин. Есть женщины, которые притягивают неприятности. Я притягиваю чужих мужчин с конфетами. Это, по крайней

мере, оригинально.

Ночь. Купе. Сайт знакомств.

Катя жуёт печенье. Ей всё равно. Она видела это тысячу раз. Женщины. Как я. Которые ищут. Которые верят. Которые ждут.

— Тут одни... не знаю. Рыбаки.

— Рыбаки — это хорошо. Рыбаки спокойные.

— Мне не нужен спокойный.

— А какой нужен?

— Такой, чтобы...

Не договариваю. Я сама не знаю, какой. Я вообще не знаю, чего хочу. Я знаю только, чего не хочу. Не хочу спокойного. Не хочу скучного. Не хочу нормального. Не хочу, чтобы всё было как у людей. Потому что если всё как у людей — это значит, что я как все. А я не как все. Я в формате. Точнее — не в формате. И мне нужен кто-то, кто тоже не в формате. Чтобы мы вместе были не в формате. Чтобы мы друг друга поняли.

Я листаю дальше. И замираю. На экране — фотография. Статный военный. Сидит за столом. Весь в наградах. Медали. Ордена. Перед ним бутылка коньяка. Держит бокал. Красивый. Блондин. Волевой подбородок. Стальной взгляд.

Я смотрю. Не дышу. Палец висит над экраном. Это не просто фото. Это фото из сна. Того самого, который мне снился. Только там был военный без лица. А здесь лицо есть. И я смотрю на это лицо и понимаю — это он. Это тот, кого я

ждала. Не знаю, откуда я это понимаю. Это иррационально. Но я знаю. Это как узнать свою вещь в чужом доме. Ты её видишь и понимаешь — она моя. Я не знаю, как она туда попала. Но она моя.

— Что там?

Я молчу. Смотрю на фото. Потом на Катю. Потом снова на фото.

— Катя.

— Что?

— Катя. Иди сюда.

Катя подходит. С печеньем. Смотрит через плечо. Привистывает. Печенье зависает на полпути ко рту.

— Ого.

— Это он.

— Кто?

— Из сна.

Катя смотрит на меня. Потом снова на фото. Потом снова на меня. Дожёвывает печенье.

— Вероника. Это сайт знакомств. Тут все — из сна. Из кошмарного.

— Нет. Это он. Я его видела.

Я нажимаю на фото. Оно открывается. Сердечками обтекает. Лайк отправлен.

— Всё.

— Что — всё?

— Я его лайкнула.

— Ты его лайкнула. Поздравляю. Теперь он тебя найдёт. Или не найдёт. Это как повезёт.

Я не слушаю. Смотрю на фото. Увеличиваю. Вглядываюсь в лицо. Смотрю в его глаза. Долго. Что-то знакомое. Не понимаю что. Но это там. Во сне. Или во мне.

— Слушай, а он не фотомонтаж? Больно идеальный.

— Нет. Это он.

— Ну-ну.

Катя берёт телефон. Приближает. Изучает. Хмыкает. Отдаёт.

— Ну... ничего... такой.

— Ты что, серьёзно?

— Только ты на что повелась — на медали или на коньяк?

— Прекрати.

— На коньяк, да?

— Это судьба. Я знаю.

Катя вздыхает. Садится напротив. Отпивает чай. Смотрит на меня. Как на ребёнка.

— Вероника. Судьба — это когда ты его встречаешь в очереди в поликлинике. А это интернет.

— Какая разница?

— Разница есть.

— Нет.

— Есть.

— Катя.

Катя сдаётся. Машет рукой. Берёт печенье.

— Ладно. Судьба. Пусть будет судьба. Только не звони мне в три ночи, когда он пришлёт фото своего...

— Катя!

— Всё. Молчу.

Она встаёт. Идёт в коридор. У двери оборачивается.

— Красивый, кстати. Реально красивый.

— Да?

— Да. Только старый.

— Он не старый. Он в возрасте.

— Ага. В возрасте. Как коньяк.

— Я не про возраст.

— А про что?

Я смотрю на фото. Молчу.

— Понятно. Про душу.

Я не отвечаю. Но улыбаюсь. Это мой секрет. Про душу — это я придумала. Потому что если я скажу «я повелась на фото, на медали и на коньяк» — это будет стыдно. А если я скажу «про душу» — это будет красиво. И никто не докажет, что это не так.

Катя смотрит на меня. Потом кивает. Уходит.

Я остаюсь. Смотрю на фото. Нажимаю «написать сообщение». Палец висит над экраном. Пишу «Привет». Стираю. Пишу «Здравствуйте». Стираю. Пишу «Вы мне снились». Смотрю. Стираю. Быстро. Как будто обожглась. Открываю смайлики. Листаю. Этот слишком весёлый. Этот слишком грустный. Этот слишком намекающий. Этот вообще непо-

нятно что значит. Долго выбираю. Останавливаюсь на простом. Ставлю. Отправляю.

И сразу жалею. Закрываю глаза. Открываю. Смотрю на экран. Ничего. Тишина. Он не в сети. Или в сети, но молчит. Это хуже. Проверяю — отправилось ли. Отправилось. Смотрю на галочку. Как будто жду, что она исчезнет. Сохраняю фото в галерею. Открываю. Смотрю. Закрываю. Убираю телефон. Считаю до десяти. Достаю снова. Открываю. Смотрю. Закрываю. Убираю. Считаю до двадцати. Не достаю.

За окном Москва. Огни. Дом. Я еду домой. Но мысли там. В Питере. С ним. И с той, которой я ещё не стала. Я улыбаюсь. По-настоящему. Не как с Юрой. Не фальшиво. А так, как улыбаются люди, которые ещё не знают, что будет больно.

Глава 3. ПИТЕР

Питер. Не Москва. Другое небо. Серое. Но не давящее. А мягкое. Как будто город приглашает. Не торопит.

Я иду по улицам в наушниках. Музыка. Улыбаюсь. Киваю прохожим. Кто-то кивает в ответ. Я в мире. Наконец-то. Иду и думаю: господи, я как будто в рекламе. Не хватает только бумажного стакана и собаки на поводке. Собаки у меня нет. Стакана тоже. Но ощущение, что я — нормальный человек, меня не покидает.

Я люблю Питер. Не как турист. Не как москвичка на выходные. А как человек, который здесь когда-то был счастлив. Один раз. Очень давно. Мы ходили по крышам. Он целовал меня у канала Грибоедова. Мы ели пирожки на Сенной. Он говорил, что мы поженимся. Я говорила, что да. Потом он уехал в Израиль. Я осталась. Пирожки с тех пор не ем. Не потому что больно. А потому что с тех пор ни разу не была на Сенной. И потому что пирожки — не моя еда. Я больше по чебурекам. Но это я узнаю позже.

Останавливаюсь у витрины. Свадебное платье. Белое. Смотрю. Долго. Потом иду дальше. Быстрее. Как будто убегаю.

Прохожу мост. Смотрю на воду. Ветер. Волосы. Закрываю глаза. Дышу. Как перед прыжком.

Открываю глаза. Телефон. Ничего. Тишина. Снова на во-

ду. Снова на телефон. Ничего.

— Ну и ладно.

Убираю телефон. Иду дальше. Улыбаюсь. Всё равно улыбаюсь.

И тут — СМС. «Идешь? Сворачивай за угол».

Замираю. Потом улыбаюсь. Широко. По-настоящему. Сворачиваю.

И останавливаюсь.

Передо мной — чебуречная. Облупленная. Лампочка мигает. Из двери пахнет не розами. Тестом и пивом. Чем-то жареным. Чем-то настоящим. Стою и думаю: это точно то место, где я хотела бы оказаться? Я представляла ресторан. Свечи. Ну, или хотя бы кафе. А тут — чебуречная. С лампочкой. Как в кино. Только в плохом.

Снимаю наушники. Смотрю на вывеску. Потом на телефон. Снова на вывеску.

— Серьёзно?

Стою. Не решаюсь. Достаю телефон. Смотрю на фото. На его лицо. На медали. На коньяк. На стальной взгляд. Потом на дверь. Снова на фото.

— Ты там?

Ничего. Убираю телефон. Поправляю волосы. Расстёгиваю пуговицу. Застёгиваю. Расстёгиваю. Кладу руку на дверь. Толкаю.

Внутри гул. Радио. Кто-то смеётся. Пахнет тестом и пивом. Я делаю шаг. И дверь закрывается за мной. Отрезая ме-

ня от Питера. От Москвы. От всего.

Останавливаюсь на пороге. Морщусь. Но не ухожу. Стою. Осматриваюсь. Нет стульев. Только столы. Липкие. Только чебуреки и пиво. Мужики за соседним столом пьют. Один спит лицом в тарелке. Храпит. Сосед толкает его. Мужик поднимает голову. Смотрит на меня. Долго. Потом обратно в тарелку.

Бабушка ест чебурек на бумажной тарелке. Медленно. Сосредоточенно. Как будто это последний чебурек в её жизни. Я чувствую себя нашкодившим ребёнком. Хотя ничего не сделала. Просто зашла. В чебуречную. В Питере. С мужчиной из интернета. Нормально.

Делаю шаг. Ещё один. Взгляд скользит по залу. И натывается на одинокую фигуру в конце.

Полковник.

Пополневший. Постаревший лет на пятнадцать относительно фото. В олимпийке и джинсах. Когда-то был блондин. Сейчас — седина. Ест чебурек. Смачно. Пьёт пиво из горлышка.

Смотрю на него и думаю: боже, это он. И боже, это я. Мы оба не в формате. Он — потому что олимпийка и чебурек. Я — потому что платье и каблуки. Два человека из разных фильмов. Которые случайно оказались в одном кадре. И не знают, как им быть.

Он видит меня. Замирает. С бутылкой в руке. Смотрит. Долго. Как будто не верит. Потом ставит бутылку. Вытирает

руки салфеткой. Медленно. Руки большие. Рабочие. С шрамом на костяшке. Я замечаю. Но не спрашиваю. У меня есть правило: не спрашивать про шрамы. Никогда. Если человек захочет — сам расскажет. А если не захочет — нечего лезть.

Он встаёт.

Я — нарядная, яркая — стою в шоке. Как будто из другого фильма. Попала не в тот кадр. На мне, между прочим, платье. Каблуки. Всё то, что я надеваю, когда иду на что-то важное. А он — в олимпийке. И ест чебурек. Пальцами.

Он делает шаг навстречу. Обнимает. По-свойски. Крепко. Я стою. Руки в стороны. Не обнимаю. Не отталкиваю. Просто стою. Он держит. Долго. Слишком долго. Наконец отпускает. Возвращается к столику. Садится. Мрачнеет.

— Чебурек будешь?

— Ааа?

— Чебурек говорю будешь?

— Неее.

— А что будешь?

Я теряюсь. Уйти неудобно. Сесть страшно.

— Ну... чай?

— Тут только пиво.

— Тогда воды.

— Я ж сказал, тут только пиво.

— Ну, хорошо, светлое нефilterованное, если можно.

— Тут только один вариант.

Он идёт к прилавку. Я смотрю ему в спину. Потом на ба-

бушку. Бабушка смотрит на меня. Жуёт. Не отводит глаз. Я отвожу. Бабушка — нет.

Он возвращается. Ставит передо мной бутылку. Садится. Ест. Я сажусь. Неуверенно. Открываю бутылку. Пью. Морщусь. Молча едим.

— А Вы... да, забыла, мы ж на ты... ты где-то работаешь?

Он кивает.

— А кем?

Он смотрит на меня. Как будто решает — говорить или нет.

— Служу Отечеству.

— Военный?

— Так точно. Командир части.

Я расслабляюсь. Отхлёбываю пиво. Уже смелее.

— А что на сайте знакомств ищешь?

Он застывает с бутылкой. Смотрит на меня. Как будто я спросила что-то неприличное.

— А что обычно мужики на сайте знакомств ищут? То и я...

— Дай угадаю. Секс?

Он кивает. Медленно.

— Может быть. А может и нет.

Я думала, он скажет что-то другое. Ну, там, «любовь», «отношения», «серьёзные намерения». Но он сказал «может быть». И я поняла: это не тот мужчина, который будет со мной играть. Это тот, который будет со мной молчать. И это,

если честно, страшнее.

— Любовь?

— Я знаю только что такое любовь к Родине.

Вытирает руки. Окончательно. Кладёт салфетку. Я думаю — сказать — не сказать, наконец, решаюсь.

— Ты на фото... моложе.

— Я и есть моложе. Просто фото старое.

— А зачем старое?

— А зачем новое?

Я не отвечаю. Он не отвечает. Вопрос повисает.

Он не притворяется. Ни капли. Если бы он хотел меня обаять — он бы подобрал слова. Сказал бы что-нибудь про глаза. Или про руки. Или про то, какая я красивая. Он бы хоть чуть-чуть сыграл. А он не играет. И от этого мне страшно. Потому что с человеком, который не играет, нельзя играть в ответ. А я всю жизнь только это и делаю.

— Ну, что? Поехали со мной?

Смотрю на него. На его лицо. На руки. На бутылку. Он не шутит. Я это вижу. Озираюсь. Как загнанный зверь. Взгляд мечется — выход, окно, бабушка, бутылка. И упирается в панно на стене. Старое. Советское. Выцветшее. Рыбак ловит рыбу. Река. Камыши. Солнце. Всё мирное. Всё тихое. И где-то в углу — стрекоза. Маленькая. Серебряная.

Смотрю на стрекозу. И думаю: ну конечно. Она везде. В сне. На рисунках. Теперь здесь. Я уже не удивляюсь. Я просто принимаю. Как факт. Как диагноз. Как то, что со мной

происходит.

Замираю. Не дышу. Радио замолкает. Или мне так кажется. Тишина. Только бабушка жуёт. Только мужик храпит.

Он ждёт. Потом оборачивается. Смотрит на панно. Долго. Щурится. Не видит. Отворачивается. Смотрит на меня. Ждёт.

— Что там?

— Стрекоза.

— Где?

Я показываю. Он вглядывается. Щурится. Молчит. Не видит. Или видит, но не понимает, почему это важно.

— Ну?

Смотрю на стрекозу. Потом на него. Молчу. Долго. Киваю. Как будто приняла решение. Или как будто сдалась.

— Ну... хорошо... Едем.

Он встаёт. Берёт меня за руку. Ведёт к выходу. На секунду оглядывается. На панно. Потом на меня. Молчит. Я оглядываюсь. Стрекоза. Серебряная. Смотрит нам вслед. Бабушка провожает нас взглядом. Жуёт свой чебурек.

И я иду. Потому что если не идти — то что? Остаться здесь? С бабушкой? С мужиком в тарелке? С чебуреком? Нет. Лучше идти. Даже если не знаешь куда. Даже если не знаешь зачем. Лучше идти. С ним. Потому что он — единственный, кто позвал.

Глава 4. ДЖИП

Мы выходим из чебуречной. Дождь. Морось. Фонари. Он идет к машине. Я — за ним. Семеню. Как собачка. Ненавижу себя за это. Но иду. Потому что если остановлюсь — останусь одна. А одна я не хочу. Хотя, если честно, я и не одна. Я с ним. Но с ним я тоже одна. Просто в компании.

ДЖИП. Старый. Тёмный. Пыльный. Такой же, как он. Смотрю на эту машину и думаю: ну конечно. Не «мерседес». Не «ауди». Джип. Который видел всё. Дважды. И третий раз не удивится. Как Катя.

Он открывает дверь. Смотрит. Ждёт.

— Садись.

— Куда мы едем? К тебе?

— За дочерью.

— Куда???

— Дочь. На тренировку не пришла. Садись.

— А если я не хочу?

— Тогда не садись.

Пауза. Я смотрю на него. Потом — иду к машине. Сажусь. Он за руль. Заводит. Двигатель рычит.

— Подожди. За руль? Ты же пил.

— Три глотка. Это не пьяный.

— А если гаишник остановит?

— Не остановит.

— Почему?

— Я ему скажу: «Три глотка — это не пьяный».

— И он поверит?

— Он военный.

Я смотрю на него и думаю: господи, я сижу в машине с человеком, который только что объяснил мне, что гаишник — военный. Не просто гаишник. А военный гаишник. Который поверит. Потому что если не поверит — это его ошибка. Я хочу так же. Я хочу, чтобы все мои ошибки были чьими-то ещё. Чтобы я могла сказать: «Это не я не в формате. Это вы не в формате. Это ваша ошибка. А я — военная». Но я не военная. Я — проводница. И мой гаишник — это Люда. Которая говорит «нет». И не верит. И не военная.

— А если прибор покажет?

— Это ошибка прибора.

— А если не ошибка?

— Тогда это ошибка гаишника.

— Ты беспредельщик.

— Я знаю. Пристегивайся.

Он не беспредельщик. Он просто человек, который знает: живёт в стране, где всё можно объяснить, если говорить уверенно. Я тоже так умею. Я так объясняю себе свою жизнь каждый день. Что я не неудачница, а не в формате. Что это не я не могу, а мир не готов. Что это не бегство, а выбор. У нас с ним одна школа.

Едем. Он достаёт сигарету. Прикуривает. Открывает окно. Дым. Ветер. Я морщусь. Но молчу. Он протягивает мне пачку. Не глядя.

— Я не курю.

— Правильно. Не порть себе жизнь.

Убирает пачку. Затягивается. Резко перестраивается. Я хватаюсь за ручку.

— Ты всегда так водишь?

— Как?

— Как будто за тобой погоня.

— Привычка.

Отпускаю ручку.

— А что пьёшь?

— Всё, что горит.

— Это заметно.

— А ты?

— Вино. Красное. Сухое.

— Понятно. Барышня.

Пауза.

— Ты всегда такая?

— Какая?

— Пугливая.

— Только когда страшно.

— А сейчас страшно?

— Да.

— Почему?

— Потому что я в машине с незнакомым мужиком. Еду не знаю куда. И не могу уйти.

Он смотрит на меня.

— Можешь. Остановлю. Скажу — выходи. И всё.

Я смотрю на него.

— Не останавливай. Пока.

Он кивает. Едем.

— Ты зачем В Питер приехала?

— На встречу.

— С кем?

— С тобой.

Пауза.

— Как её зовут?

- Кого?

- Дочку.

— Дочку? Аня. Анюта.

Тишина. Я смотрю на него. Протягиваю руку. Касаюсь его руки. На секунду. Он замирает. Не смотрит. Я отдёргиваю руку. Едем.

— Включишь музыку?

Он включает радио. Тихо. Играет что-то старое. Про любовь. Приторное. Он морщится. Выключает.

— Ты что?

— Слишком слащаво.

— А что ты любишь?

— Тишину.

Едем.

— И как?

— Что — как?

— Тишина. Со мной?

Он смотрит на меня.

— Терпимо.

«Терпимо» — это, между прочим, лучший комплимент, который мне говорили за последние пять лет. Я не шучу. Мне говорили «ты красивая». Мне говорили «ты умная». Мне говорили «ты сексуальная». Мне говорили «ты офигенная». Но мне никто никогда не говорил «терпимо». Потому что все эти слова — они про то, что от меня можно получить. А «терпимо» — это про то, что со мной можно быть. Это разные вещи. Первое — это про пользу. Второе — про жизнь.

Едем. Молчим. Слушаем тишину. Тишина теперь другая. Не пустая. Живая.